

ГЛАВА 2

— Целый месяц?!

Только что за обедом Паола рассказала маме о предложении Эльпиди.

— Ну... А что директриса?

— Только за. К тому же Эльпиди она не откажет.

— А вы не отстанете от программы?

— Эльпиди говорит, что уроки будут проходить регулярно. Уверял даже, что те, кто ездит за границу по обмену, занимаются там намного меньше, чем будем мы. Но проблема-то в другом...

— И в чем же?

— Эльпиди выставил условие: едут либо все без исключения, либо никто.

— А что, кто-то не хочет?

— Педро. Сказал, ему это не нужно.

— Это который сын адвоката?

— Он самый.

— Торчок который?

— Ну ты загнула. Он так, только марихуаной балуется.

— А марихуана, по-твоему, — ботва безобидная?

— В общем, Эльпиди дал ему день на размышления. Если честно, Педро не единственный, кто, мягко говоря, не в восторге от этой идеи.

— Да ладно?

— Нам придется целых тридцать дней жить вместе круглые сутки. А некоторые и без того друг друга на дух не переносят.

— Например?

— Например, Филиппо.

— Лоруссо?

— Ага, Лоруссо. Он терпеть не может Андреа Беррино. Андреа вечно над ним издевается, не отпускает случая поглумиться. А Филиппо даже постоять за себя не в состоянии, вот и отмалчивается.

— Этот Беррино всегда слишком много о себе воображал.

— Вот именно. А Роберта и Марта, они же друг друга ненавидят! Не говоря уже о Ренцо и Кьяре. После того происшествия они так и не помирились. Вдобавок Кьяру еще и Валентина бесит.

— Да вы там поубиваете друг друга, — ухмыляется мама.

Тут Паоле на мобильный приходит сообщение.

— Это папа. Скоро будет.

Девушка поднимается к себе в комнату, чтобы переодеться.

Стоя перед зеркалом в трусах и лифчике, она разглядывает себя со всех сторон. Паоле нравятся ее длинные вьющиеся каштановые волосы, большие глаза, ярко очерченные губы. А вот слишком накачанные, на ее взгляд, ноги она просто ненавидит. Девушка слегка выворачивает ступню. «Черт, ну что это такое, икры как у мужика...» Она надевает спортивный костюм, собирает футбольную сумку. Спустившись, на выходе сталкивается с мамой. Та протягивает ей шоколадку:

— Подкрепись между таймами.

Паола сует шоколадку в сумку, целует мать в щеку и выходит. У ворот останавливается автомобиль. Паола еще раз машет маме и, распахнув дверцу, садится в машину.

— Вот она, моя чемпионка!

За рулем ее отец. У него редкие волосы, аккуратная черная борода с проседью, элегантный костюм. В общем, привлекательный мужчина, хоть и полный. Машина резко трогается.

— Даже с мамой не поздоровался, — тут же хмурится Паола.

— Ну и что? Все равно вечером увидимся.

— Вы в последнее время странно себя ведете.

— В каком смысле странно?

— Не разговариваете, даже не смотрите друг на друга. Между вами словно черная кошка пробежала.

— У меня много работы, Паолина, приходится держать в голове кучу вещей, вот и все...

— Ночуешь часто не дома.

— Всегда так было. И в командировки надолго уезжал. С каких пор это стало проблемой?

— В последнее время это происходит все чаще. Ты вообще не появляешься дома.

— Да брось ты! Все совсем не так!

— Именно так. Вы с мамой расходитесь?

— Да что ты... Что ты себе придумала?

— А, значит, я во всем виновата? Вы только и делаете, что спорите, куда мне идти после выпуска! Мама хочет, чтобы я пошла в медицину, а ты о моей футбольной карьере мечтаешь...

— Ладно, мы иногда ссоримся, но кто не ссорится? У нас с мамой все хорошо, не волнуйся.

Отец ведет машину уверенно и непринужденно. Паола демонстративно замолкает и утыкается в телефон.

— Так что, Паолина, в этом году выйдем в плей-офф? Сегодня играй как играется и не слишком напрягайся, поняла? Не держи долго мяч, не стой на одном месте, хорошо? Эй, ты меня слушаешь?

— Да.

— Отложи этот чертов телефон и отвлекись на секунду. Давай! Сегодня чтобы выиграла!

Энрико водит дергано. Сильвия на переднем сиденье нервничает:

— Ты убить нас хочешь?

— Поверить не могу! Ты уезжаешь на целый месяц и говоришь мне об этом в последний момент?

— Я же сказала, что еще не решила.

— Может, я буду к тебе приезжать?

— На ретрит к моим одноклассникам? Никому навещать нельзя, даже родителям. Что обо мне подумают, если ты туда припрешься, а? И потом, мы можем созваниваться. Что не так?

— Но... Целый месяц не видеться?

— Чего ты боишься? Ревнуешь?

— Ревную, я?

— Осторожно!

Еще секунда, и Энрико сбил бы старушку на переходе. Оправившись от испуга, Сильвия снова вспоминает, как легко Эльпиди всех уговорил. Или почти всех. Прямо как сказочный крысолов из Гамельна. В этот день ему не удалось переубедить только Педро. После уроков на школьной парковке Сильвию, к ее огромному удивлению, подждал Энрико. Ей нравится, что парень забирает ее на машине. Ему двадцать пять, и он, как настоящий мужчина, уже ездит за рулем автомобиля, а не на мопеде, как большинство мальчишек из школы.

— Он рассказал нам про миф о пещере.

— Кто?

— Эльпиди, пока уговаривал...

— О какой такой пещере?

— Платон в своем сочинении «Государство» рассказывает об узниках, которые с самого рождения сидят, закованные, в пещере и видят только стену перед собой. Ничего другого они в жизни не видели и думают, что люди, животные и вещи, которые на ней появляются, — настоящие, хотя на самом деле это лишь тени предметов за их спинами, подсвеченных огромным костром.

— Куча придурков, в общем...

— Да, вроде того. Но потом Платон рассказывает, что один из узников освобождается от оков и оборачивается. Вдруг он видит предметы, которые находятся у него за спиной, но не узнает их очертаний, а когда смотрит в сторону выхода, его ослепляет солнечный свет. Выйдя из пещеры, он привыкает к свету луны, а потом и к солнцу, и только тогда наконец видит вещи в их настоящем облике. И понимает: все, что сидящие в пещере считают реальностью, на самом деле иллюзия.

— И что он станет делать дальше?

— Если верить Платону, вернется обратно.

— К остальным придуркам?

— Именно, чтобы рассказать им о том, что узнал.

И освободить их.

— Лучше бы оставил этих дебилов там разлагаться!

— Не лучше, если предположить, что это и есть Платон, а та кучка придурков, как ты их назвал, — это ты, я и все, кто так ничего и не понял ни о нашей жизни, ни о мире вообще.

Энрико с подозрением косится на Сильвию:

— Какую чушь вам в школе впаривают!

В кухне на холодильнике висит записка от мамы Сильвии:

«Я испекла пирог. Кушай на здоровье!

Целую, мама».

Сильвия недовольно морщится.

— Что такое? Не хочешь пирог? — спрашивает Энрико.

Сильвия качает головой:

— Ешь сам, если хочешь.

Энрико второй раз говорить не нужно. Он открывает холодильник, достает алюминиевый лоток, вываливает содержимое в тарелку и ставит в микроволновку:

— Обожаю пироги твоей мамы!

У Энрико, которого за пристальный, почти придурковатый взгляд прозвали Карасем, уже слюнки текут. Он садится за стол с дымящейся тарелкой и принимается за еду.

— Я-то думала, ты забрал меня, чтобы вместе где-нибудь пообедать...

Энрико перестает жевать и немигающими рыбьими глазами таращится на Сильвию. «*Боже, что я еще забыл?*»

— Не помнишь! — не спрашивает, а скорее с огорчением утверждает Сильвия.

— Сегодня точно не наша годовщина... — Энрико тянет время, но по потерянному выражению его лица совершенно ясно: он не имеет ни малейшего понятия, о чем говорит Сильвия.

— Сегодня три года с нашего первого поцелуя!

— А, точно!

— Помнишь, где это случилось?

— На вечеринке... Блин, не помню, у кого именно...

— Может, ты хоть помнишь, во что я была одета?

Полный провал в памяти. А тут еще и пирог остывает.

— Слушай, Сильвия, честно говоря, я не знал, что мы и это должны отмечать...

— Раз уж на то пошло, никто никому ничего не должен, — все сильнее раздражается Сильвия.

— Обычно пары отмечают годовщину отношений.

— Но ведь чем больше поводов, тем лучше...

Ничего не поделаешь. Сегодня у Сильвии один из этих дней. Энрико встает из-за стола и обнимает ее.

— Послушай, ладно, я козел, признаю. Но знала бы ты, что у меня с утра на работе творилось! Отец по делам совсем загонял. Пришлось решать кучу проблем, и про наш поцелуй я совершенно забыл.

Скоро еще клиенты из Китая приедут... Отец сказал, мне тоже нужно быть. Голова сейчас другим забита, правда.

Энрико подходит и легко целует Сильвию в губы, надеясь таким образом разрешить конфликт. Девушка горько улыбается.

Энрико смотрит на нее остекленевшим взглядом:

— Ну, что такое?

— Ничего.

Энрико давно понял, что эти ее «ничего» — тайна за семью печатями, и даже не стал гадать, что Сильвия имела в виду.

— Слушай, раз твоя мама на работе... Если хочешь, можем отпраздновать в твоей комнате...

— Разве тебе не нужно возвращаться к китайцам?

— Десять минут у меня есть.

— Десять минут? Тогда погоди, надо поговорить.

— О чем?

— О нас.

— О чем «о нас»?

Сильвия молчит и задумчиво смотрит на него.

— Ты меня любишь?

— Разумеется.

Сильвию так и подмывает сказать, что в мире ничего само собой не разумеется и что любой девушке хочется иногда услышать «я тебя люблю» вместо «разумеется» и «раз уж твоей мамы нет, можем пойти к тебе и десять минут потрахаться».

— Что ты хочешь этим сказать?

— Что ты мне нравишься.

— В каком смысле нравлюсь?

От этого вопроса пот прошиб Энрико еще сильнее, чем в тот день, когда он забыл права, а его остановила полиция.

— Это что, допрос?

— Да нет, просто задумалась. Разве не здорово — говорить друг другу о своих чувствах?

— Что я должен говорить? Думаешь, я не люблю тебя?

— Нет, вовсе нет...

— А чего тогда спрашиваешь?

Сильвия поворачивает голову. Ее взгляд падает на фотографию в книжном шкафу: там они с отцом на пляже. Отец еще совсем молодой, веселый. Она — малютка с двумя смешными хвостиками, во весь рот улыбается своему любимому папочке.

— Он умер слишком рано.

— Кто?

— Папа. Мне было всего семь. Он не должен был так поступить со мной.

— Ну, он же не сам захотел умереть.

— Нет, но я очень страдала. Я думаю о нем каждый день. И очень скучаю...

У Энрико звонит телефон.

— Отец.

«Слава богу!» На этот раз пронесло. Энрико вытягивается по стойке смирно, отвечает и переходит на диалект. Отец Энрико ни с кем, кроме священ-

ника, не разговаривает на чистом итальянском. Из динамика доносится зычный громкий голос. Энрико кладет трубку и вздыхает:

— Надо бежать.

Сильвия поднимается и чмокает его в щеку:

— *Ubi maior...**

— Уби че?

— Ничего. Забей.

— Латынь?

— Ага.

— Что это значит?

— «Хорошего дня» значит, — вздыхает Сильвия.

— Спасибо.

Энрико целует Сильвию, одновременно решая вечером попрощаться этой поговоркой с китайскими клиентами. Так сказать, для пущей важности.

— Насчет эксперимента вашего препода: очень надеюсь, что Педро откажется и нам не придется расставаться так надолго.

Вечер. Ужин в лучшем ресторане города. Все помещение зарезервировано адвокатской конторой «Де Марко и партнеры». Амилькаре Де Марко — дедушка Педро, глава семейства Де Марко и осно-

* Имеется в виду латинское выражение *Ubi maior minor cessat* — «Где есть главный, подчиненные молчат».

ватель элитной адвокатской конторы под тем же именем — восседает на почетном месте.

Отец Педро, Аттилио Де Марко, принимает гостей, встречает партнеров, пожимает им руки, обменивается со всеми приветствиями и, как акула, скалится во все тридцать два зуба: близится новая избирательная кампания, а это отличный повод размяться перед игрой.

Педро надел свой самый нарядный фирменный костюм, но под пиджаком у него футболка с рэпером Сферой Эббаста.

Мама замечает это только в ресторане:

— Солнышко, что ты на себя нацепил?

— Как тебе этот ти-шит? — спрашивает он, указывая на футболку.

— Разве по-английски говорят не «ти-шот»?

— Она такое говно, что только *shit* ей и подходит.

По правде говоря, терпеть не могу этого Эббасту, но, чтоб отца побесить, что угодно надену.

Заметив их, отец Педро отходит от группы гостей и берет сына под руку:

— Иди, поздоровайся с дедушкой.

Суровый старик с седой шевелюрой и бакенбардами сидит рядом с кардиналом. Хмурый орлиный взор главы семейства мгновенно впивается в футболку со Сферой Эббаста, которую Аттилио Де Марко заметить не успел. Вслед за ним округляются глаза у кардинала.

— Привет, деда!

Все разочарование Амилькаре Де Марко умещается в одну фразу, обращенную к кардиналу в попытке разрядить обстановку:

— Эх, молодежь!

Кардинал понимающе кивает. Аттилио Де Марко дает знак метрдотелю начинать ужин. Педро уже садится рядом с дедом, когда отец вдруг хватает его за руку и шепчет сквозь зубы:

— Ты что же, вздумал сидеть рядом со мной и дедом в таком виде? А если нас сфотографируют и завтра это появится в газетах? Выставишь меня полным идиотом перед избирателями. Сейчас же приведи себя в порядок, придурок!

Педро уходит в туалет и садится на крышку унитаза. Наконец-то один, в тишине, он на коленке скручивает косяк. Поджигает, затягивается раз, другой. Травы он не пожалел. Вставляет тут же. Бог весть из-за каких процессов в мозгу Педро снова вспоминает, как Эльпиди уговаривал его принять участие в эксперименте.

«То, что мы привыкли считать реальностью, — лишь иллюзия, — сказал Эльпиди, объясняя миф о пещере Платона. — Чаще всего мы не знаем, чего хотим от жизни, потому что уверены, что знаем о себе и о мире все, тогда как на самом деле ничегошеньки в этом не смыслим».

— Золотые слова, — размышляет Педро вслух в кабинке туалета, выдыхая густое желтоватое облако дыма.

— Я себя знаю прекрасно, — ответила тогда Марта. — Так что в уроках самопознания не нуждаюсь.

Учитель выждал несколько секунд и повернулся прямо к ней.

— В детстве я думал, что знаю все о волках, только потому, что читал сказки и видел документальные фильмы. А потом мы с дедушкой как-то отправились в горы и случайно увидели волка. Дедушка разрешил мне понаблюдать за ним издалека, пока тот не убежал обратно в лес. Только тогда я понял, что прежде не знал об этих самых волках ровным счетом ничего, потому что даже вживую их ни разу не видел. А эксперимент, который я предлагаю, поможет вам увидеть себя такими, какие вы есть.

Учитель подошел к компьютеру, открыл Word, что-то напечатал, и на интерактивной доске у него за спиной появилась надпись.

— *Gnòthi sautòn*, — зачитал он ученикам. — «Познай самого себя». Эти слова были выгравированы над входом в главный древнегреческий храм — храм Аполлона в Дельфах. Помните трагедию Эсхила «Прометей прикованный»?

— Не помним, — ответила Кьяра.

— «Познай самого себя» — это предостережение: человек должен всегда помнить о пределе своих возможностей и осознавать собственную беспомощность перед богами. Тогда он станет мудрым

и научиться принимать правильные решения. Но, как говорит Платон в диалоге «Алкивиад Первый», это изречение не только напоминает человеку об ограниченности его сил. Согласно Сократу оно значит, что, если хочешь познать самого себя, нужно научиться видеть и частичку божественного, заключенную в твоей душе. Поэтому «Познай самого себя»...

Филиппо поднял руку:

— Извините, можно я кое-что уточню?

— Пожалуйста.

— Обернитесь. У вас там ньокки получились.

Едва сдерживавшиеся все это время ученики разразились хохотом. Стоя спиной к интерактивной доске, учитель не заметил автокоррекции: «*Gnocchi sauton*». Он повернулся, прочел и заулыбался:

— Да уж, забавно. Похоже на название какого-то итало-японского блюда.

Шутка дала волю всеобщему веселью, и все засмеялись еще громче.

— В компьютерах нет частички божественного, вот он и перепутал древнегреческое «познание» с ньокками. Поэтому я считаю, что эксперимент вам будет очень полезен. Мне хотелось бы, чтобы вы попробовали переступить через свои убеждения. Ведь тот, кто во всем уверен и никогда ни в чем не сомневается, — просто болван. Как и этот компьютер, который путает *gnòthi* и *gnocchi* и живет себе спокойно. Бездушная машине

не понять призыв Сократа «Познай самого себя». Вы же не хотите стать такими же болванами, как мой компьютер? Но предупреждаю: эксперимент состоится только в том случае, если участвовать будут все. Либо все, либо никто. Итак, желающие?

Несмотря на явную неприязнь между некоторыми учениками, в конце концов все подняли руки. Все, кроме Педро.

— Педро, а ты почему против?

Педро только плечами пожал.

— Ты вечно со всеми не согласен, — заметил Эльпиди. — Не любишь ограничения, условности, порядки. Ты возмутитель спокойствия, белая ворона, бунтарь, который всегда поступает как ему заблагорассудится, а не как говорят другие.

Он выдержал паузу.

— Или тебе просто нравится этот твой образ.

— Я такой, какой есть.

— Раз так, ладно, — согласился учитель, однако в его голосе послышалось недоверие. — Но прежде чем дать окончательный ответ, подумай до завтра.

Педро возвращается за стол с красными, как фары грузовика, глазами. Гости аплодируют приветственной речи, которую только что произнес его отец. Педро садится рядом с матерью.

— Как от тебя несет! — шепчет она.

— Кто бы говорил! Ты же на себя ведро духов вылила.

Официанты разносят закуски.

— Сынок, ты не заболел случайно? У тебя глаза красные!

Отец тоже садится за стол:

— Ты так и не снял эту дурацкую футболку?

— Хочешь, чтобы снял? Ладно! — заводится Педро.

Услышав его крик, присутствующие оборачиваются.

Взгляды дедушки Амилькаре и его высокопреосвященства тоже устремлены на него. Педро вскакивает и с неистовым рвением, не ограничиваясь одной футболкой, принимается выполнять требование отца.

Будто второй Франциск Ассизский, он раздевается целиком перед всеми присутствующими. В ресторане наступает полнейшая тишина. Тело Педро расписано, как холст художника. Он гордо демонстрирует татуировку с «Большой волной» Хокуся на груди, затем, повернувшись спиной, выставляет напоказ огромного дракона с огненно-красной чешуей. Вытянутые в стороны руки тоже покрыты татуировками.

— Вот что я вам скажу: вы все, фальшивые, лицемерные карьеристы, которые в лицо улыбаются и жмут друг другу руки, а потом втыкают кому-нибудь нож в спину, вы все мне просто отвратительны!

Педро поворачивается к кардиналу:

— А больше всего меня воротит от вас: разве вы не знаете, что мой дед — главный адвокат по разводам в городе? Ничего святого, черт побери!

— Ну хватит! — не выдерживает его отец. В порыве гнева он срывает скатерть с соседнего стола, вдребезги разбивая тарелки и стаканы, и заворачивает в нее голого Педро, содрогающегося в истерическом хохоте. На глазах у ошарашенных гостей адвокат Аттилио Де Марко грубо выволакивает своего сына из ресторана на улицу, заталкивает, будто арестованного, в машину и на бешеной скорости увозит его по направлению к дому.

За всю дорогу оба не произносят ни слова. Уже дома Аттилио Де Марко, прежде чем вернуться в ресторан, бросает сыну привычные семь слов, как семь казней египетских, семь смертных грехов, семь чакр, семь гномов Белоснежки:

— Не знаю, что мне с тобой делать!

Оставшись один, Педро закрывается у себя в комнате и хватается за телефон. Обозленный на отца и на весь род человеческий, он кидает в чат класса: «Я согласен на эти ваши познавательные ньюкки».

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

